ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1983

ЧИНЕНОВА Л. А.

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ИДИОМАТИКИ

Совокупность процессов, регулярно осуществляющихся во фразеологических единицах современного английского языка, можно назвать рецессивными. Необходимость в таком термине вызывается тем, что обычно фразеологическая единица (а в особенности идиоматическая фразеологическая единица) рассматривается как нечто абсолютно устойчивое, фиксированное, как единица, вошедшая в язык и функционирующая в речи как некое незыблемое «глобальное» целое, которое, несмотря на свою раздельнооформленность, имеет одно, общее значение, полностью подчиняющее себе значения составляющих его раздельнооформленных единиц.

Однако, как показали многочисленные исследования, фразеологические единицы не только не остаются неизменными, раз и навсегда данными, но постоянно меняются и развиваются. Поэтому задача научного исследования в этой области состоит в том, чтобы, изучив общие направления непрерывно осуществляющихся процессов изменения языка, постараться понять специфику и «направленность» тех изменений, которые определяют существование и диалектическое развитие идиоматической фразеологии.

Прежде, чем приступить к решению этой задачи, необходимо раскрыть диалектическое единство одновременного (синхронического) и разновременного (диахронического) в составе фразеологических единиц. Дело в том, что фразеологическая единица, которая о н т о л о г и ч е с к и является раздельнооформленным изолированным словосочетанием, несет в себе диалектическое противоречие между формальной раздельнооформленностью компонентов и семантической глобальностью целого. Постоянное взаимодействие этих аспектов фразеологической единицы как специфического языкового явления не может не оказать влияния на характер ее развития и порождает силы, ориентированные как бы в двух разных направлениях. С одной стороны, в составе фразеологической единицы развиваются процессы, направленные на семантическое слияние компонентов, подавление их частных значений и образование единого семантически неделимого целого. С другой стороны, предельные компоненты фразеологической единицы, оставаясь потенциально словами, обнаруживают тенденцию вычленяться из состава фразеологической единицы уже не как потенциальные, но вполне реальные лексические единицы.

А. И. Смирницкий ввел термин «потенциальное слово» для обозначения производных или сложных слов, которые, не являясь собственно единицами языка, представляют собой образования, целиком состоящие из более элементарных языковых единиц [1, с. 18]. Такие слова создаются в речи и обусловливаются всем составом и закономерностями языка как системы. В настоящей работе термин «потенциальное слово» употребляется в том его значении, в котором он был применен О. С. Ахмановой для обозначения компонентов фразеологической единицы, способных в определенной речевой ситуации актуализироваться, выделиться [2—4]. Выпадая из состава фразеологической единицы, потенциальное слово реализует значение, обусловленное не семантикой исходного слова, но общим значением соответствующей фразеологемы. Так, употребление английского слова *moon* «луна» в следующих контекстах может служить примером «выпадения» или «секреции» (по терминологии О. Есперсена) потенциального слова из состава фразеологической единицы *to cry for the moon* «же-

лать невозможного»: «And yet there was the moon and he could not forget how Fleur had always wanted it» (J. Galsworthy, Swan Song); «— But if you want to have or to know anything particular, Fleur, I'd like to be told» — «Only the moon, my dear» (J. Galsworthy, Swan Song). В этом коротком отрывке слово *moon* употребляется не в своем основном значении «Луна, небесное тело». Совершенно новое его значение «птичье молоко» как бы извлечено из общей семантики фразеологической единицы *to cry for the moon*. Понятно, что сходство с этой русской фраземой самое поверхностное, потому что коннотации, возникающие при реализации слова *moon* в данной речевой ситуации, оказываются совершенно иными. Сходство в том, что в обоих случаях имеется в виду что-то недостижимое, а потому обладающее особой притягательной силой.

Семантическое переразложение (семантический метанализ) [2, с. 319], которому подвергается фразеологическая единица *to cry for the moon*, в отличие от морфонологического переразложения состоит в том, что сохраняя формальные границы между словами, оно приводит к возникновению по существу совершенно новой лексической единицы. Выделившись из состава фразеологической единицы, слово *moon*, если оно «привьется» будет повторяться в этом значении, войдет в язык как своеобразный стилистический омоним (или как особое метафорическое значение) по отношению к *moon* как названию спутника Земли.

Пример со словом *moon* интересен тем, что сама фразеологическая единица в данном контексте вообще не представлена и присутствует лишь имплицитно, поскольку предполагается, что она хорошо известна всем говорящим на английском языке. Такое обособленное употребление компонента фразеологической единицы, т. е. явление «секреции» потенциального слова, когда оно приобретает способность отдельного воспроизведения вне всякой связи с генетически родственной фразеологической единицей, следует отличать от тех случаев, в которых актуализация потенциального слова происходит в результате устойчивой деформации соответствующей фраземы. Так, например, фразеологическая единица *the skeleton in the cupboard* (американский вариант *the skeleton in the closet*) «семейная тайна неприятного или постыдного характера, которую следует оберегать от разглашения», легко и устойчиво деформируется в английском языке: «Michael, it will be seen, had remained quite ignorant of the skeleton in Soames' cupboard» (J. Galsworthy, Swan Song); «It was the skeleton in his house and the family walked by it in terror and silence» (W. Thackeray, Vanity Fair).

Об устойчивости и распространенности этого явления свидетельствует также тот факт, что деформированный вариант данной фразеологической единицы дается в новейших фразеологических словарях: «I learned yesterday that their eldest son has been twice sent to prison. I wonder how many other skeletons they've got in their cupboard» [5].

Но можно ли и здесь говорить о вычленении, «секреции» потенциального слова *skeleton* со значением «неприятная, постыдная для кого-либо тайна», можно ли полагаться на материалы словарей, согласно которым слово *skeleton* в данном значении является частью современного английского словоупотребления? Так, например, толковый словарь Лонгмена наиболее адекватно отражающий состояние современного английского языка, регистрирует данное значение как одно из значений исходного слова и иллюстрирует его следующей фразой: *It is time to bring the family skeleton out of the cupboard* [6]. Хотя материалы подобного рода свидетельствуют о весьма интересных тенденциях в развитии данной фразеологической единицы в современном английском языке, представляется преждевременным давать фразеологически обусловленное значение *skeleton* наряду с основным значением слова. Это невозможно потому, что данное значение слова *skeleton* реализуется только до тех пор, пока последнее остается частью соответствующей фразеологической единицы.

К сожалению, в английских словарях не проводится достаточно четкая грань между так называемой «иллюстративной фразеологией» (т. е. словосочетаниями или предложениями, которые создает сам лексикограф

для иллюстрации использования соответствующего слова или одного из его значений) и «филологической фразеологией» (т. е. материалом, который лексикограф заимствует из произведений художественной или естественно-технической литературы). Смешение этих двух типов фразеологии состоит в том, что на основании некоего конкретного употребления делается вывод о наличии у определенного слова соответствующего значения, которое, в свою очередь, иллюстрируется тем же самым примером, который явился для лексикографа основанием для его выводов. Безусловно, между филологической и иллюстративной фразеологией существует очень тесная связь, но говорить о том, что значение слова является частью языка (langue), можно только тогда, когда сам лексикограф может создать иллюстративную фразу, т. е. когда он сам на основании обширного материала может показать, как это слово должно быть употреблено. Поэтому надо продолжать исследовать факты, внимательно следя за «зарождением» новой монолексемной лексической единицы. Пока мы располагаем лишь несколькими случаями отдельного, обособленного воспроизведения потенциального слова *skeleton*. Приведем один из них: «Oh! I don't think I'm denying the importance of the biographical element in literary appreciation. I know very well how much a full knowledge of a writer's life... adds to the interpretation of his work. But I am more and more disinclined to expose *skeletons* that have been so carefully buried» (A. Wilson, The Wrong Set). Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет не о каких-то «скелетах» в техническом смысле слова, но о тайнах личной жизни поэта, в частности, как это следует из более широкого контекста, о тайне рождения сына известного английского поэта-романтика П. Б. Шелли, которые герой рассказа — профессор Оксфордского университета, занимающийся изучением его творчества, не склонен обнародовать.

В связи со сказанным следует заметить, что семантическое переразложение фразеологической единицы, выделение в результате такого переразложения ее отдельных компонентов с новым значением, которое в конденсированной форме выражает семантику всей фразеологической единицы, не представляет собой уникального, специфически английского явления. Подобные процессы, как показали специальные исследования, обнаруживаются в русском, французском, немецком и во многих других языках, что свидетельствует об определенной объективной закономерности развития идиоматической фразеологии в разных группах языков [7—9].

Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что исследование идиоматической фразеологии различных языков должно строиться с учетом диалектического характера двух противоположно ориентированных процессов, с одной стороны, «изоляции» (превращения определенной последовательности элементов в глобальную, семантически неделимую единицу), а с другой стороны, «вторичного» ее разделения, семантического «раздробления» и появления по существу новых лексем, омонимичных по отношению к тем, которые явились основой сложной многоэлементной идиомы. Своеобразие «вторичного» или, как было обозначено в самом начале статьи, «рецессивного» процесса состоит в том, что слова, которые перестали быть полноценными словами и превратились в слова потенциальные, вновь как бы «оживают», но уже в другой плоскости, приобретая новое значение, не свойственное первоначальной семантике слова. Создаваясь как некое новообразование, как произведение автора данной речи, потенциальное слово может быть подхвачено и воспроизведено другими членами данного языкового коллектива, а также независимо создано в других актах человеческого общения и в конце концов может стать реальной единицей словарного состава данного языка.

Понятно, что динамику процессов, осуществляющихся в составе фразеологической единицы, можно изучать только на основе диалектического единства языка и речи, принципа первичности языковой материи — речи. Речевой или функциональный аспект изучения идиоматической фразеологии оказывается чрезвычайно важным, поскольку именно в речи первона-

чально намечаются и осуществляются те процессы, которые приводят не только к возникновению фразеологической единицы как отдельной единицы словаря, но и к ее распаду и образованию новых единиц на ее основе. Действительно, как отмечали многие исследователи лексики, в частности, В. В. Виноградов, которого интересовали прежде всего вопросы функциональной фразеологии, первый шаг в «рецессивном» развитии фразеологической единицы состоит в том, что она начинает подвергаться разнообразным преобразованиям в речи. Как известно, деформация фразеологических единиц как лингвостилистическое средство усиления эмоционально-экспрессивной стороны высказывания — явление речи. Стремление говорящего избежать употребления разного рода «окаменелых метафор», банальных и избитых фраз и клише побуждает его подвергать фразеологические единицы разнообразным преобразованиям и деформации.

В зависимости от конечных результатов деформации обычно выделяются два основных процесса.

Первый — это такой вид деформации, когда актуализируется потенциальное слово в новом значении, которое оно приобрело в составе фразеологической единицы. Этот вид деформации известен как метаметафора: «All his decisions were formed of a cream which he skimmed off the family mind, and through that family off the minds of other families of similar fibre» (J. Galsworthy, The Man of Property). В данном примере обыгрывается фразеологически обусловленное значение слова *cream* как компонента фразеологической единицы *to skim the cream off* «снимать сливки». Метаметафора, когда образ, закрепленный в идиоматической системе языка, развертывается дальше и обыгрывается, является довольно распространенным видом деформации, затрагивающим как структурное, так и семантическое единство идиомы. Так, фраза *time was flying, his bird in the bush no nearer the hand*, созданная Д. Голсуорси на основе известного фразеологического оборота *a bird in the hand is worth two in the bush* (буквально он означает «пойманная птица стоит двух непойманных»), находится в сложных семантических отношениях с исходной единицей.

Второе направление — это оживление исконного, первоначального значения компонентов фразеологической единицы, когда они вновь наполняются утраченным ими конкретно-лексическим значением. Так, именно на обыгрывании буквального и фразеологически обусловленного значений компонента *hat* «шляпа, головной убор» фразеологической единицы *I'll eat my hat* «будь я не я, даю голову на отсечение» основан юмор следующего высказывания: «„Yes, sir, if that was the language of love, I'll eat my hat",— said the blood relation, alluding, I took it, to the beastly straw oontraption in which she does her gardening» (P. G. Wodehouse, All about Jeeves).

Оба вида деформации порождаются диалектическим противоречием формы и содержания, лежащим в основе данного языкового явления, и сопровождаются различными изменениями в просодическом оформлении соответствующей фразеологической единицы, нарушением последовательности ее компонентов, их состава и т. д.

В последнее время наметилось новое направление в изучении явления деформации фразеологических единиц, их окказионального преобразования в речи. В работах этого направления, представленного многочисленными исследованиями, способность фразеологизмов к разного рода окказиональным преобразованиям в речи рассматривается как специфическая функциональная особенность данной разновидности единиц языка, обусловливаемая ее онтологией как раздельнооформленной единицы, и дается исчерпывающий анализ разного типа деформаций [10—13].

В контексте настоящей работы деформация фразеологических единиц рассматривается не как обусловленный особенностями функционирования данных единиц лингвостилистический прием увеличения выразительности речи, но как определенный этап в развитии фразеологической единицы, как первый шаг на пути ее «рецессивного» движения, веду-

щего, в конечном итоге, к деидиоматизации и семантическому переразложению фразеологической единицы. Поэтому таким важным оказывается вопрос о том, когда и почему фразеологическая единица начинает подвергаться деформации, каковы те социолингвистические предпосылки, которые способствуют или задерживают развитие идиоматического фонда языка.

Одним из недостатков современной идиоматической фразеологии как науки является то, что до сих пор остается неясным, каким образом и для каких целей вообще используются идиоматические единицы. Сколь часто и разнообразно прибегают к данному типу лингвистических единиц, например, говорящие на русском языке? Обусловливается ли частотность употребления идиом в речи говорящего его идиосинкратическими свойствами или это явление чисто историческое, и можно говорить о различном отношении к идиоматической фразеологии со стороны сменяющих друг друга поколений. Наблюдения показывают, что речь представителей старшего поколения богаче идиомами, чем речь современной молодежи. Чтобы ответить на этот вопрос, позволим себе небольшой экскурс в область социолингвистики английской идиоматической фразеологии.

Изучение движения и развития фразеологического фонда английского языка в диалектическом единстве его разновременного и одновременного состояний вскрыло эволюцию отношения языкового коллектива к той разновидности фразеологических единиц, которые известны как собственно «идиомы», а также к пословицам [1, с. 225].

Специфическая диалектика деформированной и недеформированной, узуальной и окказиональной форм идиом, обнаруженная в современном английском языке, свидетельствует о том, что оценка той или иной «собственно идиомы» с точки зрения речевой нормы, частотность ее воспроизведения и особенности ее функционирования обусловливаются своеобразием развития языка на определенном историческом этапе. Речевой нормой в современном английском языке является деформированная идиома, в то время как употребление ее в узуальной словарной форме вызывает отрицательное отношение со стороны образованных англичан, говорящих на английском языке на уровне абсолютного им владения. Так, в тексте рассказа Э. Вильсона «Mother's sense of fun» мы находим интересное подтверждение высказанного положения. Герой рассказа, преподаватель английской литературы в Оксфорде и, следовательно, человек образованный, с хорошо развитым чувством языка, возвратившись домой после долгого отсутствия, находит речь своей матери,— женщины малообразованной, но с претензиями на культуру,— вульгарной. Неодобрение героя вызывает привычка его матери насыщать свою речь фразеологическими единицами, которые давно уже утратили свежесть и оригинальность и повторять которые, по мнению образованного англичанина, есть проявление лености ума и нетворческого отношения к языку. «The words she employed too, were surely specially designed to rob the English language of any pretensions to beauty it might possess... It always „rained cats and dogs", that is if the rain did not look like holding off; Alice Stockfield „was a bit down in the mouth", but then she let things „get on top of her"; Roger Grant was „certainly no Adonis", but she had „an awfully soft spot for him"» (A. Wilson, The Wrong Set).

Изучение произведений отдельных современных писателей, в частности, творчества С. Моэма, показало, что использование идиоматической фразеологии служит для автора средством речевой характеристики персонажа. Так, заставляя Китти, героиню романа «The Painted Veil», пользоваться единицами типа *to rain cats and dogs* «лить как из ведра (о дожде)», С. Моэм подчеркивает ограниченность героини, свойственную той мелкобуржуазной среде, в которой она выросла: «If it was raining and she said: „It's raining cats and dogs", she would have liked him to say: „Yes, isn't it". He remained silent».

Функционирование пословиц в современном английском языке характеризуется теми же особенностями: и здесь обнаруживается тенденция к введению пословиц в речь в деформированном виде. Объяснение этого

явления следует искать не столько в стремлении говорящего усилить выразительность свой речи, сколько в принципиальном изменении отношения современных англичан к пословицам вообще [14]. В противоположность этому литература XIX в. отражает положительное отношение англичан к пословицам, введение которых в речь часто сопровождалось одобрительными высказываниями типа *the truth of the adage*, *the wisdom of the saying*, *there is a true saying* и т. д. Из этого следует, что в XIX в. пословица рассматривалась как некое мудрое изречение, основанное на народном опыте, причем воспроизведение единиц такого рода вполне соответствовало языковой норме того времени. В литературе же XX в. преобладают отрицательные оценки пословицы как банального, стереотипного клише. Пословица, воспроизводимая в ее недеформированной, узуальной форме, как правило, включается в контекст, содержащий ее отрицательную оценку: например, «And for no reason at all the stupid proverb of my school-days ran through my mind, time and tide wait for no man» (D. de Maurier, Rebecca); «You forget that you cannot teach an old dog new tricks. And now look what you've done, you've made me use an ugly vulgar proverb» (A. Wilson, The Wrong Set). Деформированная пословица, напротив, вызывает положительную оценку у англичан, как необходимое условие живости и изящества речи: «He... admired the smartness of the sign — a fill in time saves getting stuck — gas today 31 cents» (S. Lewis, Babbit). Ср.: *A stitch in time saves nine.*

Таким образом, социолингвистический аспект изучения идиоматической фразеологии оказывается чрезвычайно важным, ибо только такой подход позволяет вскрыть особенности функционирования данных единиц в речи, объяснить причины столь широкого распространения явления деформации фразеологических единиц. Социолингвистическое направление в изучении идиоматической фразеологии позволяет решать целый ряд проблем прагмалингвистического характера, а именно, установить соотношение идиоматической фразеологии с различными регистрами речи, раскрыть особенности употребления данных единиц представителям различных поколений и социальных слоев англичан [1].

Возвращаясь к проблеме деформации фразеологических единиц как началу «рецессивного» семантического процесса, необходимо подчеркнуть, что рецессивное развитие той или иной фразеологической единицы, ее семантическая перестройка возникает лишь тогда, когда эта единица достаточно прочно утвердилась в языке, известна большинству говорящих на нем. Этот процесс может быть ускорен или замедлен теми специфическими особенностями, которые характеризуют язык в тот или иной период его развития.

Выше мы подробно останавливались на двух весьма типичных случаях развития фразеологических единиц *to cry for the moon* и *the skeleton in the cupboard*, которые представляют собой как бы два этапа рецессии во фразеологической единице. Если в случае со словом *moon* мы констатировали появление новой, возникшей в результате полного переразложения соответствующей фраземы единицы в словарном составе современного английского языка, то относительно слова *skeleton* еще нет достаточного основания утверждать, что рецессивный процесс здесь достиг своего завершения. Для того чтобы более наглядно показать сложнейшую диалектику двух противоборствующих тенденций в развитии фразеологических единиц и тот конечный результат, к которому эти процессы могут привести, рассмотрим еще две фразеологические единицы. Фразеологическая единица *to be born with the silver spoon in one's mouth* «родиться в сорочке» была зафиксирована впервые в словарях в середине XVIII в. и некоторое время сосуществовала с уже имевшейся в то время фразеологической единицей того же значения *to be born with a penny in one's mouth*. Они конкурировали до конца XVIII столетия, когда первая вытеснила последнюю и стала единственной фразеологической единицей с подобным

[1] Идиомы представляют особую проблему в преподавании иностранного языка и лексико-фразеологическом моделировании научного текста в учебных целях [15].

значением. Это подтверждается данными словарей и письменными документами того времени. Но уже в XIX в. появляются первые деформированные варианты этой фразы, а в литературе XX в. она встречается, как правило, только в деформированном виде. Примером обыгрывания этой фразы могут послужить следующие случаи: «Yet on the whole the silver spoon stayed in his mouth without spoiling it...» (J. Galsworthy, In Chancery); «He was staring at a silver spoon. He himself had put it in her mouth at birth» (J. Galsworthy, The Silver Spoon).

Столь же устойчивую тенденцию к деформации проявляет и фразеологическая единица *every cloud has a silver lining*, прошедшая долгий путь развития от индивидуального авторского оборота (он восходит к Дж. Мильтону) до фразеологизма: «I don't say they aren't silver linings in their limited way, but take a look at the cloud that lower elsewhere» (P. G. Wodehouse, The Mating Season); «But to all that moving experience there had been a shadow (a dark lining to the silver cloud), insistent, and plain, which disconcerted her» (S. Maugham, The Painted Veil); «There was a silver lining even to this little sordid cloud» (R. Aldington, The Colonel's Daughter).

Приведенный материал свидетельствует о том, что деформация соответствующих фразеологических единиц уже не может рассматриваться лишь как своеобразное свойство данных речевых произведений, как результат творчества говорящего. Он постепенно приобретает ту «всеобщность», которая свойственна фактам языка. Разнообразные обыгрывания этих единиц основаны на том, что англичане отчетливо осознают потенциальные значения составляющих их компонентов, т. е. тех значений, которые они приобрели в составе данных фразем. Возникающий в процессе устойчивой деформации распад рассматриваемых фразеологических единиц приводит к вычленению компонентов *silver spoon* и *silver lining*, которые постепенно включаются в язык со значениями, которые, разумеется, лишь приблизительно можно перевести на русский язык следующим образом: *silver spoon* «нечто неправомерное, данное человеку от рождения», *silver lining* «нечто, благоприятствующее человеку; надежда на лучшее, удача».

В заключение необходимо подчеркнуть, что до тех пор, пока человеческий язык остается основным средством общения, он будет развиваться и изменяться. Развитие языка определяется теми потенциальными возможностями, которые характерны для него самого и реализуются в ходе его исторического развития. Диалектический метод, составляющий основу марксистского языкознания, открывает новые перспективы для дальнейшего научного изучения идиоматической фразеологии как одного из наиболее интересных аспектов естественного человеческого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.
5. Longman dictionary of English idioms. London, 1980, p. 301.
6. Longman dictionary of contemporary English. London, 1978, p. 1046.
7. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980.
8. *Назарян А. Г.* История развития французской фразеологии. М., 1981.
9. *Чернышева И. И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
10. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
11. *Кунин А. В.* Английская фразеология. М., 1970.
12. *Бершадская Ф. М.* Формы употребления фразеологических единиц в речи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Ташкент, 1971.
13. *Павлова З. А.* Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в речи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1975.
14. *Вяльцева С. И.* Речевое использование английских пословиц: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.
15. *Барейките З.* Устойчивость словосочетаний в научной речи (к вопросу об оптимизации научного текста): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.